

Вперед — заре навстречу: Сборник. Ред.-сост. Е. В. Лукин. СПб.: Скифия, 2027. — 312 с.

Заметки, очерки, рассказы, стихи о событиях, отразившихся в летописях революции 1917 года. Самобытные, неформальные истории, уцелевшие семейные предания петербуржцев. Рассказывают непрофессионалы, внуки и правнуки тех, кто жил в переломное для страны время, имел свою точку зрения на происходящее, свой — горький — опыт. Среди героев — «пламенные революционеры», которые хотели только лучшего, во имя этого готовые железной рукой загнать народ в счастливое будущее и сами сгоревшие в разожженном ими огне. Активное участие в подготовке революции и ее проведении, начиная с XIX века, принимали предки Ю. Траубе, судьба многих — печальна. В 1918 году в Выборге белофинны расстреляли писателя Майю Лассила, автора хорошо известного у нас романа «За спичками». Малоизвестную историю восстанавливает К. Ерофеев. В 1929 году расстрелян комиссар «Новой Голландии» М. Шакин (А. Карцева). При невыясненных обстоятельствах в 1936 году был убит большевик с 1908 года В. Володин. О нем прислала статью его правнучка А. Жиркова. С. Вольнский (Флакс), большевик с 1913 года, командовал красными кавалерийскими дивизиями, усмирал повстанческие движения в Средней Азии, возглавлял Всесоюзный комитет высшей школы СССР, активно боролся с троцкистами и бухаринцами, а затем сам стал узником сталинского концлагеря. О его судьбе поведал биограф К. Носов. Но большинство историй посвящено тем, кто просто жил, работал, растил детей, строил планы на будущее и не помышлял о революции. Революция перемешала, перемолола, перекорежила их жизни, сломала привычный ее уклад. Они видели, что происходило на улицах и площадях Петрограда, в его окрестностях, в других российских городах. Обыски, грабежи, убийства. В семейном архиве Т. Щетинина обнаружила воспоминания деда, бывшего директора Ленинградского механического завода № 1 К. Терентьева. 25—26 октября 1917 года он, семнадцатилетний воспитанник ремесленного интерната, вместе с друзьями наблюдал за перестрелкой революционных матросов и юнкеров на Исаакиевской площади. В. Новиков рассказывает, как в комнатке его бабушки и дедушки, в мансарде углового дома 1/4 на Невском проспекте, утром 26 октября оказались на одной постели двое раненных: молодой рабочий из революционеров и юнкер. Женщина, у которой было пятеро маленьких детей, ухаживала за обоими. «Ей не было дело до всяких заумных объяснений политических, социальных, экономических, военных и любых других причинах вражды людей. Она знала только одно. Что рожала, нянчила, растила детей не для того, чтобы они умирали от болезни и голода, от войны и разрухи!» Есть истории романтические. Например, рассказ Е. Стрельниковой, о том, как ее деда, молодого композитора, спасла от красновардейского патруля, углядевшего в нем буржуа со слишком чистыми руками, медсестра Надежда, ставшая впоследствии его женой. «Да какой он вам буржуй! Глаза, что ли, водкой залили? Это музыкант! ...Ишь, руки-то пораспускали, хамье тыловое, небось пороху-то и не нюхали? А гражданских культурных людей хватать — это можете?» Самая яркая история — рассказ петербургского спасателя И. Иванова. В «застойные» 70-е годы бабушка показывает семилетнему внуку места на Забалканском проспекте (ныне Московский проспект), где она жила маленькой, рассказывает, как она и другие дети в феврале 1917 года бегали смотреть, как рабочие убивали го-

родового. Очень трудно объяснять маленькому внуку, кто такой городской, он же милиционер, кто такие мазурики, убившие городского. В голове советского ребенка не укладывалось, зачем рабочим милиционера убивать? «А городские за порядком в городе следили, чтобы не безобразничал никто. Вот, к примеру, рабочие напьются или начнут озорничать, драться, городской придет — хватить их за шкуру и в участок. Рабочие их за это и не любили». «В февральские дни 1917-го петербургская полиция оставалась единственной структурой в северной столице империи, которая до конца сохранила верность присяге и пыталась остановить начавшуюся катастрофу, — ссылается на историков И. Иванов. — Около ста сорока полицейских чинов были убиты и зверски растерзаны толпой прямо на улицах Петрограда». Он считает, что пора установить мемориальную табличку в память о неизвестном городском, мученически погибшем, выполняя свой долг. Рассказы не ограничиваются 1917 годом. Н. Прокудин в «Сибирской трагедии» рассказывает о трагедии раскулаченной большой трудолюбивой семьи. У выжившего старика свой взгляд на репрессии: «Не болтай ерунды! Какие на хрен генералы! То, что расстреляли этих Тухачевских, Блюхеров, Бухаринных и Рыковых, — так им и надо! Это была их собачья власть! Они ее породили, она их и убила! Эх, скока же енти большевики по России кровушки народной пролили! Наверное, вместе слить — наберутся целые реки и море! Нет, сынок, я говорю о простых мужиках: крестьянах, рабочих, шахтерах!» Истории обыденные, как правило, трагические, объединены общим лейтмотивом: «Революция свершилась сто лет назад. Что случилось, то случилось. Было хорошее, было плохое. Главное, чтобы в битве за лучшее будущее не ломались чьи-то судьбы, не крушились чьи-то надежды. Дай Господь нашей стране мудрости учесть уроки и найти мирные решения. Немирные решения мы уже проходили!» (Е. Коржевская). В сборник, изданный при поддержке Правительства города по результатам ежегодного литературного конкурса «Неизвестный Петербург», вошли 50 лучших произведений из шестисот присланных. Первую премию получил И. Иванов за очерк «Неизвестный городской».

Тайны смерти Горького: документы, факты, версии. М.: АСТ, 2017. — 464 с.: ил. — (Тайны и загадки смерти великих людей).

18 июня 1936 года в 11 часов 10 минут в подмосковных Горках умер Алексей Максимович Горький. С 6 июня 1936 года люди Страны Советов с тревогой и надеждой следили за регулярно печатавшимися в прессе бюллетенями о состоянии здоровья писателя. Горестные отклики на смерть Горького последовали сразу же из всех уголков огромной страны и из-за рубежа. Скорбели рабочие, колхозники, бывшие красногвардейцы, интеллигенция. «С утратой Алексея Максимовича сиротеет не только Советская литература, но и вся пространная моя родина, но и все мыслящее, честное большинство человечества», — писал в некрологе Л. Леонов. В 1936 году никто не сомневался, что смерть писателя была естественной. В официальных документах было зафиксировано: смерть наступила в результате воспалительного процесса в нижней доле левого легкого с последующим расширением и параличом сердца. Горького лечили лучшие в то время доктора — 17 человек. Менее чем через два года возникла вторая официальная версия, политическая: в 1938 году на процессе по делу так называемого «правотроцкистского блока» обвинение в убийстве Горького предъявили Н. Бухарину, А. Рыкову, Г. Ягоде, П. Крючкову и лечащим врачам Л. Левину и Д. Плетневу, действовавшим якобы по распоряжению Л. Троцкого. Ее появление обусловлено внутрипартийной борьбой в ВКП(б): Сталин и его ближайшее окружение избавлялись от своих политических оппонентов, инкриминируя им не только «шпионаж против со-

ветского государства и измену родине», но и «убийство деятелей советского государства С. Кирова, Р. Менжинского, В. Куйбышева, М. Горького». Горький был любим очень многими как в России, так и за ее пределами. Его смерть от рук «врачей-вредителей», связанных с разношерстной политической оппозицией, позволяла представить гражданам СССР и мировой общественности политических оппонентов Сталина коварными, безжалостными убийцами. Обоснование о необходимости устранить Горького прозвучало из уст подсудимого С. Бессонова: высказывания Горького отталкивают многих сторонников Троцкого из европейской интеллигенции от него, приближая их к позиции руководства партии. Но было и еще кое-что: Горький всегда был дружен и с деятелями «правой оппозиции» — Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, поддерживал тесные контакты с Л. Каменевым, М. Томским. Он наверняка знал о планах правых, изложенных в «Рютинской платформе»: «Сталин и его клика будут изгнаны со своих постов». В готовящейся ожесточенной схватке Горький занимал позицию нейтралитета, стремился поддерживать хорошие человеческие и деловые отношения с обеими противоборствующими сторонами. Но в начале 30-х годов Горький «слишком» сблизился со Сталиным и мог выдать заговорщиков. Похоже, заговор действительно был: Ягода намеревался занять пост главы государства, активно прощупывались возможности поддержки антисталинской оппозиции за рубежом. На допросе 1937 года Ягода признал, что заговорщики боялись Горького, полагая, что он может их выдать. Есть и третья версия, до сих пор наиболее распространенная: Горький отравлен ГПУ по приказу Сталина, опасавшегося, что Горький сообщит Западу всю правду о событиях в Советском Союзе. А может, Сталина беспокоило что-то скрытое в архивах Горького? Все эти версии нашли отражение в книгах М. Кольцова, Л. Арагона, А. Жида, Р. Роллана. Спустя десятилетия все обвиняемые на процессе 1938 года, за исключением Г. Ягоды, реабилитированы. Была установлена невиновность репрессированных врачей. И все-таки вопросов остается много. Действительно ли Горький умер естественной смертью? Что за таинственную «французскую сыворотку» вводили ему? Кому была нужна смерть Горького в июне 1936 года — Сталину или Ягоде? В книге представлены подлинные документы, сохранившиеся в Архиве А. М. Горького (ИМЛИ РАН): история болезни, медицинское заключение лечащих врачей о причинах смерти, протокол вскрытия. Включены воспоминания лечащих врачей писателя: Л. Левина, Д. Плетнева, М. Кончаловского, А. Сперанского. Публикуются предсмертные записи Горького и отклики граждан СССР на смерть М. Горького. Особое место занимают стенограммы судебного процесса 1938 года в части, касающейся Горького и его сына; документы о реабилитации осужденных по этому процессу. Живую струю вносят воспоминания родных и близких писателя: Е. Пешковой, М. Пешковой, секретаря Горького П. Крючкова, экономки и сиделки писателя О. Чертковой, коменданта дома на Малой Никитской И. Кошенкова и шофера Г. Пеширова. Собранные в книге документы и свидетельства позволяют взглянуть на смерть писателя с разных сторон, глазами людей, окружавших его в последние недели и дни жизни. Книга подготовлена специалистами-филологами ИМЛИ. Они не ставят точку в расследовании тайны смерти Горького: читатель сам может сделать вывод, какая версия убедительнее.

Борис Ширяев. Люди земли русской. Статьи о русской истории. Сост. и науч. ред. А. Г. Власенко и М. Г. Талалай. СПб.: Алетейя. 2017. — 512 с. — (Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»).

Борис Ширяев (1889—1959), один из самых видных писателей «второй волны» эмиграции, монархист, убежденный, что единственно приемлемая форма власти для

России — надпартийный наследственный монарх. В Гражданскую войну сражался в армии Деникина в Средней Азии. В 1922 году приговорен к 10 годам заключения, пять лет отсидел на Соловках. В 1927 году выслан в Ташкент, где пять лет сотрудничал в местных газетах, встречался со всемогущими местными «царьками», партийными руководителями Киргизии, Узбекистана, казненными в конце 30-х годов. Ширяев оставил выразительные портреты семиреченских сатрапов разных образцов. Война застала его уже в Ставрополе, где он стал выпускать антикоммунистическую газету «Ставропольское слово». Вместе с немцами бежал за границу. Ностальгировал по утраченной России, по Москве, по ее святыням и культуре, уничтожаемым новой властью, по провинциальным городкам, воспевал российских обывателей-созидателей. Следил за тем, что происходит в постсоветской России, хвалил советское искусство, моральный уровень русских людей, студенчество. Резко критиковал Запад: его демократию, политическую систему, поведение. Он считал, что большинство европейцев и американцев никогда не поймут Россию. В первую часть книги «Люди земли русской» собраны статьи о русской истории — от становления Древней Руси до послевоенной эпохи. Историк по образованию, Б. Ширяев рассматривает прошлое в широком контексте соответствующего времени: его психологии, внешне- и внутривнутриполитических реалий, в связи предыдущего с последующим. Приводит неизвестные факты, в новом свете высвечивает известные, высказывает нестандартные суждения. Не случайно Борис и Глеб стали первыми святыми Руси: распустив дружину и отказавшись тем самым от борьбы за престол, Борис устранял возможность усобицы и следовал принципу легитимизма, на котором в дальнейшем строилась русская государственность. Не дар от вышестоявших византийских родственников венец и бармы Мономаха, но трофей русского оружия, контрибуция, взятая от побежденного противника, к тому же узурпатора. А был ли «вольный» Новгород? Или это только миф, созданный верхоглядами и недоучками, проглядевшими борьбу целеустремленной общерусской национальной идеи и космополитической идеи местного сепаратизма, замешанной на эгоистических корыстных интересах сменявшихся у кормила правления Новгородом лиц и группировок? И казанский поход — не локальный исторический эпизод, но в международном плане — начало трехвековой упорной борьбы России с Турцией. И не советы иностранных специалистов (а такой был только один), не взрыв стены, явились залогом успеха под Казанью, а продуманные русскими полководцами стратегия и тактика. Подробно Ширяев пишет о вызволении хлопской Руси. Не «пушистый» Б. Хмельницкий, пошедший на союз с русским царем только под давлением народных восстаний («волим под Царя Северного Православного»). Киевский митрополит Сильвестр, до конца своих дней не признавший над собой власти патриарха всея Руси. Гражданские войны на Украине после смерти Б. Хмельницкого, буйство гетманов, их заигрывания с поляками, Литвой, Турцией, крымчаками. И выжидательная, взвешенная позиция Алексея Михайловича: заставы на границе, помощь единоверцам оружием, огромные обозы с продовольствием, вещами для беженцев и раненых со всех сторон, в том числе обоз в 1500 подвод на средства, данные тайно царицей. Еще когда возникнет в Женеве Красный Крест, а в Московской Руси уже был его прообраз. Понять современные события на Украине можно только в контексте большой истории. «Время течет, национальные, государственные и социальные формации изменяют в соответствии с его течением свой вид, сохраняя в основном свою направленность». Немало жестких слов сказано в адрес «прогрессивной», демократической российской интеллигенции, от Радищева и Чаадаева до Милюкова, Ленина и Сталина. Интеллигенции посвящена вторая часть книги. Ширяев, защищая российское самодержавие от лживых легенд, от ходких либеральных антиисторических анекдотов, сры-

вает этикетку «прогрессистов» о «бескультуре» русского прошлого. «Отсталая „варварская“ допетровская Русь шла тогда не в хвосте прогрессивного развития Европы, а намного впереди подавляющего большинства европейских государств». И доказывает. Уже в XIV веке на Руси возникла самобытная философия, что обеспечило Куликовскую битву и подъем политического и нравственного возрождения Русской земли. Ее родоначальники Сергей Радонежский, митрополит Алексий, святитель Стефан, а за ними все русское иночество. Во времена Ивана Калиты возникли городские слободы, где царским указам утверждалась полная свобода демократического самоуправления. Вольные люди, русские промышленники по собственной инициативе, а не из-за хищнической завоевательной политики верхов, устремлялись на восток и осваивали его. Размышляя о будущем России, осмысливая ее прошлое, Ширяев пишет: «Величие нации определяется не столь высотой ее взлета, сколь способностью встать, возродиться после сокрушившего ее удара». В будущее России он верил. Тексты, собранные из труднодоступной эмигрантской периодики, издаются в России впервые.

Павел Крусанов. Действующая модель ада: очерки о терроризме и террористах. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2018. — 223 с.

А ведь было. В XIX — начале XX века русская либеральная общественность видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, да и совсем недавно, в пору чеченских войн конца XX века тоже. В советское время именами цареубийц, террористов назывались улицы и площади. Героическим ореолом окутана экстремистская деятельность Че Гевары и Карлоса Шакала. Суровая современная действительность скинула романтический флер с борцов за счастье человечества террористическими методами. Павел Крусанов стремится разобраться в природе терроризма, его психических и социальных истоках, понять, что двигало и двигает людьми, желавшими любыми средствами облагодетельствовать дальних и ближних даже помимо их воли. Для него однозначно: терроризм — социальная патология, а рождением современного террора, правительственного и индивидуального, мы обязаны Великой французской революции. Марат, вдохновитель и идеолог массового террора, и Шарлотта Корде, решившая сама освободить отечество от тирании, — герои первого очерка. Начальной фигурой в летописи русского революционного террора П. Крусанов называет Д. Каракозова, стрелявшего в Александра II. Просматривая революционный мартиролог XIX столетия, П. Крусанов различает разные типы террористов: психически неуравновешенных, стоящих на грани душевной болезни, вроде Каракозова; симбиоз радикала и уголовника, вроде С. Нечаева, увековеченного Достоевским в «Бесах» в образе Петра Верховенского; и самый распространенный тип — революционеры-идеалисты. Среди последних — самый характерный А. Соловьев, неудачно покушавшийся на жизнь Александра II. В книге подробно изложены биографии «борцов за счастье человечества», отечественных и зарубежных, рассматриваются версии событий — официальные и не совсем официальные, их подоплека, приводится много малоизвестных фактов. Например, современному человеку не понять, почему для организации «Земля и воля» так важно было, чтобы убийство царя совершил не поляк, а русский. «Ведь такое важное дело как цареубийство ни в коем случае не должно было выглядеть узконациональной мстью, напротив, оно должно символизировать отречение русского народа от своего царя». Как общественную санкцию на террор, общественное оправдание экстремизма в качестве метода политической борьбы оценивает автор оправдательный приговор Вере Засулич, смертельно ранившей петербургского градоначальника Ф. Трепова: открылся ящик Пандоры, и первое десятилетие XX ве-

ка в России стало действующей моделью ада. Ожились различные экстремистские группировки. Взрывалось все, что можно было взорвать: винные лавки и магазины, жандармские управления, памятники русским генералам, церкви. На страну обрушились бомбометания, убийства чиновников, полицейских, городских, всех, кто попадал под определение «сторожевых псов самодержавия», включая кучеров и дворников. Всплеск террора охватил не только столицы и крупные города, но и окраины империи: Кавказ, Польшу, Прибалтику, еврейскую черту оседлости. Как писатель, Крусанов, естественно, выявляет взаимосвязи русской литературы и террористического движения. Достоевский, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Крестовский... Крусанов обращается и к подзабытым страницам истории XX века, когда сытая Европа оказалась очень уязвима для своих же ультра. Армянская революционная партия «Дашнакцутюн» («Единство»), чьи акции происходили на рубеже XIX—XX веков, в 1920-е и в 1972—1991 годы. Ольстер, где из-за недальновидной политики Великобритании длится тяжелой межконфессиональный конфликт. Бывшие долгие годы кошмаром для Германии «Фракции Красной Армии» (РАФ), «Красные бригады» для Италии. Темы завершающих очерков — противостояние ислама и христианства, русский опыт Чечни. С самого начала Крусанов предупреждал, что у него нет рецепта борьбы с терроризмом. И все-таки... Чтобы остановить беспредел начала XX века, правительству пришлось напрячь все силы, и вряд ли государству удалось бы обуздать кровавую вакханалию революции, если бы коренным образом не изменилось общественное мнение, считает автор. Либеральные круги устали от хаоса и едва ли не в массовом порядке стали сотрудничать с властями, выдавая экстремистов или помогая полиции арестовывать их на месте преступления. Проводятся параллели. Война 1995—1996 годов на Кавказе, когда ведущие СМИ чередовали обличительно-язвительные описания действий «федералов» с пафосом справедливого дела свободолюбивых чеченцев, а власть пребывала в растерянности. И вторая чеченская война, когда впервые за долгие годы в людях проснулось нечто вроде гражданского сознания. Поубавилось публикаций в защиту свободолюбивого чеченского народа, власть проявила последовательность. Только консолидация власти и общества может противостоять терроризму, уверен писатель.

Вернер Ланге. Художники во Франции во время оккупации. СПб.: ДЕАН, 2017. — 160 с.

Оккупированный Париж в рассказах немецкого офицера. Париж бурлящий, полный жизни и развлечений, где рестораны, невзирая на карточную систему, предлагают изысканное меню, театры и кинотеатры собирают полные залы, конкурируют между собой роскошные художественные салоны и галереи, диктуют моду парижанки. «Париж, несмотря на оккупацию, оставался истинной столицей Франции, где все хотели жить — и я первый, — пишет Ланге. — Быстро водворился „черный рынок“, и те, у кого были деньги, не нуждались ни в чем». Вернер Ланге (1911—?), искусствовед, влюбленный в современное ему французское искусство, заместитель директора берлинского Музея изобразительных искусств, был призван в армию в феврале 1940 года и командирован в оккупированный Париж в составе подчиненной Геббельсу Службы пропаганды (Propagandastaffel). Ланге поручили заниматься художниками и скульпторами, выставками, галереями, салонами, большими и малыми событиями в мире искусства. А еще — «шпионить за всеми и совать нос повсюду». Он сразу дистанцировался от немецких властей, мало контактировал с немцами вне службы, носил гражданскую одежду, а когда приказы противоречили его личному мнению, делал все, чтобы и «волки были сыты, и овцы целы». Искренняя дружба связала его с гениальными художни-

ками, чьими произведениями гордятся великие музеи и самые престижные коллекции. Утрилло, Вламинк, Ван Донген, Майоль. В его офис приходили поболтать художники и их жены, он посещал их мастерские, квартиры в Париже и частные дома за пределами Парижа, выезжал в свободную от оккупации зону Франции, где проживал Майоль. Познакомился с мастером художественного литья Рюдье, выполнявшим заказ немецкого правительства: отлить в бронзе произведения главного скульптора Третьего рейха А. Брекера. Рюдье работал когда-то с Роденом и рассказывал Ланге о причинах великого мастера. Возобновил начавшуюся еще до войны дружбу с Ж. Маратье, преданным товарищем Аполлинера и доверенным лицом Г. Стайн. Ланге был свидетелем и участником многочисленных встреч и бесед представителей парижской художественной богемы в неформальной обстановке. Об эпизодах, забавных и трогательных, трагических и анекдотичных, ранее неизвестных, он повествует буднично и непринужденно. Принимал Ланге непосредственное участие и в событиях масштабных. Так, он организовывал разрекламированное в прессе посещение Германии группой французских художников, в состав которой входили Вламинк, Дерен, Ван Донген, Удо... От поездки отказался только Майоль. После возвращения художники несли в офис Ланге свои картины: «кто-то им внушил, что надо отблагодарить доктора Геббельса за такое прекрасное путешествие». Трогательное единение с оккупантами не прошло бесследно: после войны участников поездки обвинили в коллаборационизме и судили. О героях этой книги ее французский издатель В. Люпен пишет: «...эти люди предстанут перед вами по мере чтения книги, хотя и не всегда в выгодном свете. Не по причине их подлости или криминальной политической позиции, а потому что они пытались жить нормально, когда нормальность исключалась, и преуспевать, когда нацистский оккупант вершил закон. Они — коллаборационисты. И вместе с тем — обожаемые художники! ... Коллаборационисты, которые живут своей жизнью — рисуют, лепят, выставляются. И сотрудничают с оккупантами только для того, чтобы продолжать творить, выставляться, зарабатывать деньги, лучше питаться». Тоже позиция. Справедливости ради: в большинстве своем герои книги — люди немолодые. Не все шли на сотрудничество. Так, в Париже оставался Пикассо, враг Франко и друг испанских республиканцев, его нацисты люто ненавидели. «Если бы он позволил себе что-то, выходящее за рамки, я должен был его наказать, согласно полученным инструкциям. К счастью, он не давал мне ни малейшего повода для вмешательства», — доверительно сообщает Ланге и описывает свою встречу с художником в тайном ресторанчике, где за одним столом сидели «наци» Ланге и «красная тряпка» для нацистов Пикассо. О сложности отношений между оккупационными властями и художественным миром пишет и М. Шемякин, благодаря которому появилась возможность публикации этих уникальных воспоминаний: «время было такое». Молодой немецкий офицер был очень доброжелателен. Он всегда давал зеленый свет художникам для выставления их работ, никогда не запрещал и даже не спрашивал, что за картины будут на выставке. По мере возможностей обеспечивал художников красками, углем для обогрева мастерских. Вытаскивал своих знакомых из различных неприятностей с полицией и гестапо, а некоторым даже спас жизнь, как, например, модели и музе Майоля Дине Верни. «Я знаю, трудно представить спустя десятилетия после войны, что все получалось так легко, что немцы освобождали людей по простой просьбе офицера моего звания. Но так было, ничего не поделаешь». Он не участвовал в хищении произведений искусства, принадлежавших французским музеям и еврейским семьям. При первой же возможности после окончания войны Ланге вернулся в Париж. Впервые эти воспоминания, написанные не без самолюбования через несколько лет после войны, увидели свет только в 2015 году во Франции. В России они печатаются впервые.

Объективны ли воспоминания? Ведь неизвестно, как деятельность Ланге оценивали другие участники событий.

Эллина Кахла, Матти Клинге и др. Размышляющий пейзаж.

Русская Финляндия и финский Петербург: очерки. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2017. — 256 с.

Более века (1809—1917) территория современной Финляндии входила в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское. И — хотя соседи-северяне, финны и шведы, компактными группами жили в Петербурге со времен основания города — именно этот период стал ключевым в процессах взаимовлияния и взаимопроникновения финской и русской культур. Как это происходило, и рассказывают финские историки и культурологи. На прошлое авторы посмотрели сквозь призму судеб женщин с финляндскими корнями. Жизнь каждой из героинь, представительниц разных сословий, так или иначе связана с Карельским перешейком или с Санкт-Петербургом: здесь они либо родились, либо жили, учились, работали. Самая яркая из них — Аврора Карамзина, урожденная Шернваль (1808—1902), самая очаровательная женщина Финляндии XIX века. Дочь губернатора финской провинции в молодости была фрейлиной супруги Николая I, брак с П. Демидовым дал ей новое положение в свете, вторым ее мужем стал А. Карамзин, сын известного историка. Она входила в круг знакомых Пушкина, ее красоту воспевал Боратынский, была желанной гостьей в аристократических салонах Петербурга, подолгу жила в Финляндии, в Европе. Ее отец, швед из Гельсингфорса, после 1809 года стал доверенным лицом императора Александра I, дядя состоял в Комитете по делам Финляндии, в руках влиятельного семейства сосредоточилась немалая часть политической и административной власти вновь образованного Великого княжества Финляндского. И Аврора играла заметную роль в установлении культурных связей между Россией и Финляндией. Многие учреждения в современной Финляндии носят ее имя, она — и основательница Института сестер милосердия, существующего и поныне. Культура Финляндии многим обязана видной деятельнице женского просвещения Элизабет Ярнефельт, принадлежавшей к старинному балтийскому баронству, и ее дочери Айно Сибелиус, жене композитора Яна Сибелиуса. В литературном салоне Э. Ярнефельт, организованном в 1880-х годах, вызревала культурная элита Финляндии. Дети Э. Ярнефельт стали выдающимися деятелями в разных областях финской культуры: в литературе, музыке, живописи, театре. В современной Финляндии Э. Ярнефельт и ее дочери Айно посвящают книги, пьесы, фильмы. Среди ярких героинь очерков и Ларин Параске (Параскева Никитина, 1833—1904), ижорская сказительница, одна из величайших представительниц калевальской поэзии. От нее записано 32 676 песенных строк, а также множество причитаний, пословиц, загадок. Интересное замечание: рунопевческая традиция сохранилась вплоть до начала XX века, хотя ижорские земли, уроженкой которых была Ларин Параске (нынешние Сосново и Васкелово), находились в тесном контакте с мегаполисом. Другая героиня одного из очерков, финская шведка, поэтесса-модернист Эдит Седергран (1882—1923), по сей день является одной из центральных фигур шведоязычной поэзии. Ее избранные сочинения выходили на многих языках, в том числе на русском. Впервые в этой книге обретают имя и лицо финские художницы В. Оберг, В. Солдан, А. Леппенен, чьи произведения приобретались и для украшения императорских дворцов. Впервые так подробно рассказано и об Альме Пиль (1888—1976), дизайнере фирмы Фаберже, разработчице эксклюзивной коллекции «ледяных» украшений для нефтяного магната Нобеля и авторе подарка Николая II матери — пасхального яйца

«Зимнее». После закрытия границ в 1917 году она уехала в Финляндию, о ее прежней работе у Фаберже никто не догадывался. Для многих женщин с финляндскими корнями 1917 год стал водоразделом в судьбе. Соратница и муза композитора Тойво Куула Алма Куула (1884—1941) родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Счастливый брак прервался трагически: ее муж погиб в Выборге весной 1918 года во время инцидента со стрельбой, ставшего эпилогом гражданской войны в Финляндии. Художник и гравер Ина Коллиандер (1905—1985) родилась в Петербурге в семье балтийских немцев, эмигрировала в Финляндию в 1923 году. Перейдя в православие, она привнесла его традиции в финское искусство, занималась иконописью, создавала мозаики для православных монастырей. С Карельским перешейком, местом вдохновения на стыке культурных пространств, связаны имена петербурженки Анны Ахматовой (1889—1966), чья поэзия содержит множество реминисценций Финляндии, и Елены Гуро (1887—1913), классика русского авангарда и интерпретатора «северной тишины». В Ладонской Карелии родилась Арми Ратиа (1912—1979) — основательница самого известного текстильного предприятия Финляндии Marimekko. В очерках есть все: яркие личности, судьбы, чаще всего драматичные, творческие достижения и заслуги в сфере образования, культуры. А вместе все складывается в общую картину, показывающую, как много дала русская культура Русской Финляндии — фактически под покровительством Российской империи зачиналась и зрела современная финская культура — и сколь яркий след оставили в русской культуре дочери финского народа. А еще есть возможность познакомиться с финскими местами Петербурга, финским Петербургом, ибо Санкт-Петербург был родным городом для многих поколений финнов.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)